

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 7-го Августа 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10364

РАЗСКАЗЪ СОБАКИ.

(Изъ лѣтнихъ миниатюръ).

Въ срединѣ весны, мѣсяца два тому назадъ, мой хозяинъ, Викторъ Ильичъ Артабановъ, женился. Дѣлать было нечего, охота была запрещена, онъ и женился. Сказать по правдѣ, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ жена человѣку, у которого есть лучшая въ уѣздѣ собака и лучшее въ уѣздѣ ружье (да и не одно ружье, къ слову сказать), но это фактъ: онъ женился. Можетъ быть, ему было скучно въ долгіе зимніе вечера, когда за окномъ воетъ выюга, а я, растянувшись подъ столомъ, дремлю, чутко вслушиваясь въ вой выюги, шаги слугъ, скрипъ дверей, можетъ быть, ему скучно было въ эти безконечные вечера сидѣть одному надъ книгой или мѣрять большими шагами столовую, залу и кабинетъ? Можетъ быть, ему скучно было одному глядѣть сквозь стекла оконъ на частую сѣтку дождя, который иногда лилъ по три-четыре дня, не переставая, въ глухую позднюю осень?

Все можетъ быть. Вы спросите: какъ это случилось?

Началось съ того, что Викторъ Ильичъ зачастилъ на сосѣдній хуторъ,

Королевна Сербская Елена,

помолвленная съ Великимъ Княземъ
Иоанномъ Константиновичемъ.

Артистъ С. Я. Семеновъ-Самарскій,

на днѣхъ скончавшійся.

Н. В. Давыдовъ,

ректоръ университета
имени Шанявского.

Н. И. Пастуховъ,

основатель газеты „Московскій Листокъ“. † 28 юля с. г.

дрянной хуторъ, возлѣ которого не водилось порядочной дичи; хуторъ принадлежалъ помѣщицѣ Зябликовой; но привлекала Виктора Ильича не помѣщица Зябликова, а ея дочь, Лидочка. Это я знаю потому, что, не заставъ Лидочки, мой хозяинъ вѣшаль носъ, какъ охотникъ, которому за цѣлый день не удался убить даже чирка, а когда Лидочка была дома, онъ походилъ на охотника, набившаго полный ягташъ превосходной дичью.

Что ни день, Викторъ Ильичъ воз-

меть бывало со стола шляпу, свистнетъ мнѣ, и я уже знаю, что, выбѣжавъ изъ воротъ, нужно повернуть налево и потомъ бѣжать тропинкой мимо овиновъ, черезъ низкорослые кусты, гдѣ пахло мяты, но еще никогда, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, не встрѣчалось и самого дряннаго выводка. За кустами нужно было подняться на горку, а съ горки уже былъ виденъ и хуторъ Зябликовой; съ горки до него было, какъ говорятъ люди, рукой подать. Прежде всего броса-

лась въ глаза низенькая ограда, садикъ и балконъ съ бѣлымъ или голубымъ пятномъ возлѣ рѣшетки: это Лидочка сидѣть и глядѣть на дорогу, такъ какъ съ балкона отлично видно разѣзженная колея, наполненная холодной водой послѣ дождя, и меня, и моего хозяина.

Викторъ Ильичъ былъ въ восторгѣ отъ Лидочки. Онъ находилъ ее очень красивой. По моему же, въ ней не было ничего интереснаго. Уши у ней были маленькия, какъ у дворняжки, а сама она была черезъ чуръ тонка и напоминала левретку, которыхъ я не считаю образцомъ красоты. Викторъ Ильичъ восхищался ея волосами, но мнѣ не нравились и волоса Лидочки. Быть можетъ, они вились отъ природы, а, быть можетъ, она завивала ихъ; были они пышны, и Лидочка любила встрихивать ими; а я шептала:

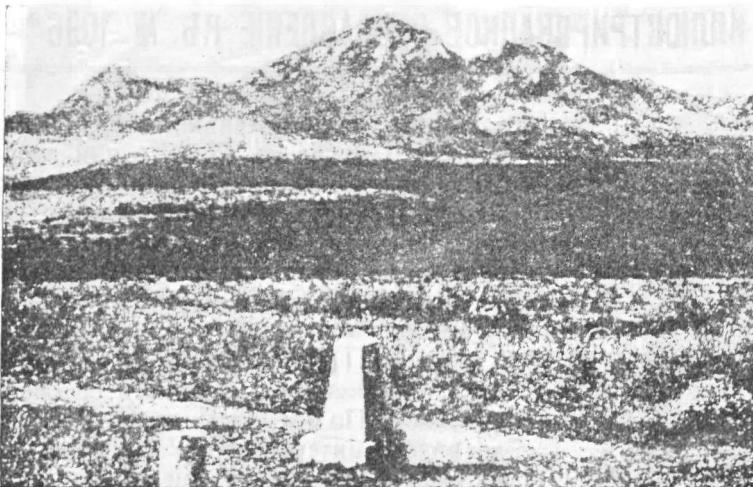
— Точь въ точь пудель!

Не думаю, что бы она даже плохо умѣла стрѣлять изъ ружья, могла отличить кулика отъ вальдшнепа, перепелку отъ старого глухаря и хорошую охотничью сѣбаку отъ той, которой цѣна—мѣдный грошъ. Скука у Зябликовыхъ была невыносимая, и я каждый разъ чуть-чуть не вывихивала себѣ челюсть отъ зѣвоты.

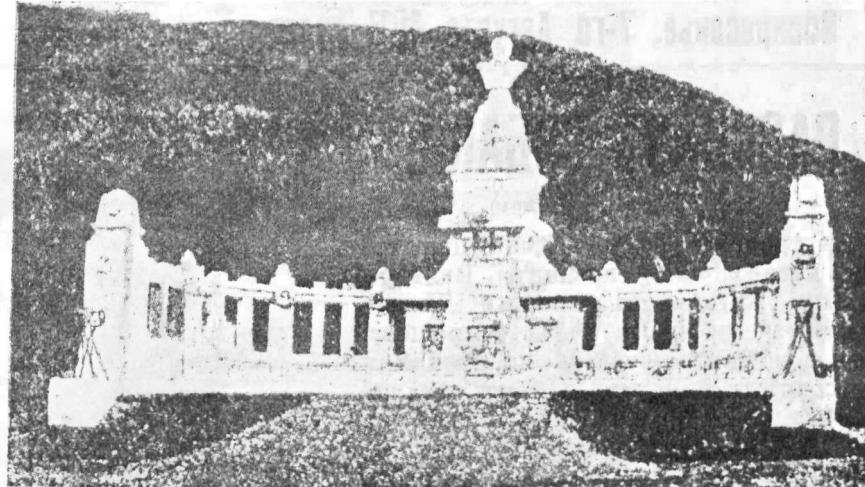
Мнѣ въ десять разъ болѣе нравилось заходить съ Викторомъ Ильичемъ къ старому бондарю, избушка котораго лѣпилась на самой окраинѣ города. Бондарь былъ плохимъ бондаремъ, но хорошимъ охотникомъ. Онъ любилъ выпить. Для бондаря это, можетъ быть, было плохо, для охотника —нѣть; бондарь былъ вѣчно на вѣсѣ, но въ запасѣ у него имѣлось много интересныхъ исторій и охотничихъ приключений. Его старая сука „Мушка“ (я никогда не спрашивала

ПАМЯТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Къ 70 лѣтию со дня смерти).

Гора Бештау и мѣсто дуэли Лермонтова въ прежнемъ видѣ.

Мѣсто дуэли Лермонтова въ теперешнемъ видѣ.

ла у нея, какой она породы. Это былъ бы щекотливый и неделикатный вопросъ) тоже могла многое порассказать. Когда „Мушка“ заговаривала про старыя времена, рассказывала, какъ хорошо было прежде и сколько дичи водилось въ сосѣднихъ болотахъ, я не могла сдержаться и визжала отъ удовольствія. Жаль, что мнѣ не пришлось жить въ эти старыя времена.

Викторъ Ильичъ смѣялся разсказомъ бондаря, потомъ отвѣчивалъ свой дорожный стаканчикъ и наполнялъ его коньякомъ. Бондарь бралъ коньякъ и зажмуривался, какъ будто отъ него шло ослѣпительное сіяніе, осторожно подносилъ ко рту и осторожно выпивалъ все до дна, не проливъ ни одной капли. Потомъ онъ вытиралъ себѣ ротъ рукой, а потомъ съ счастливымъ видомъ гладилъ себя по животу.

— Коньякъ же у васъ, Викторъ Ильичъ! — говорилъ онъ усиленно.— Выпьешь и не знаешь, гдѣ ты: на землѣ или въ селеніяхъ горныхъ?

— Ну, ну,— качалъ головой Викторъ Ильичъ.— Однако, бери ружье, Архипъ, и идемъ.

Бондарь бралъ свое дешевое и плохое ружье, изъ которого онъ, впрочемъ, привыкши, стрѣлялъ почти безъ промаха, кликалъ „Мушку“, и мы шли на охоту.

Да, старая изба бондаря Архипа была гораздо интереснѣе хутора Зябликовой. На хуторѣ никто и никогда не говорилъ про охоту, считая ее пустою и злуу забавой. На хуторѣ было только двѣ собаки: дряхлый дворовый песъ „Полканъ“, который почти не отходилъ отъ своей конуры, и маленькая болонка „Мими“, принадлежавшая Лидочки. „Полканъ“ когда-то хаживалъ на охоту, но это было такъ давно, что онъ рѣшительно все перезабылъ. Огъ

старости онъ впалъ въ дѣтство и годился бы развѣ только на то, чтобы чистить охотнику шпоры. Со слезами на потухшихъ глазахъ, онъ разсказывалъ мнѣ, какъ ему плохо живется, какъ кухарка Афимья ненавидѣтъ его и какъ горластый темнокрасный пѣтухъ „Озорникъ“—по шерсти кличка—любить подкрасться къ нему и пребольно его клюнуть. Недавно былъ такой случай, что пѣтухъ чуть-чуть не выклонулся ему глазъ. Пробовалъ „Полканъ“ преслѣдоватъ пѣтуха, но, во-первыхъ, не догналъ, а во вто-

рыхъ, возбудилъ общее негодованіе: „Что выдумали? На старости лѣть пѣтуховъ гонять!“ Вообще „Полканъ“ производилъ жалкое впечатлѣніе пса, который себя пережилъ и которому давнымъ бы давно пора умереть, а болонка „Мими“ была не только жалка, она была противна: при словѣ „охота“ она чуть-чуть не падала въ обморокъ; она боялась кошекъ, ъла намоченные въ сливкахъ сухари и даже—тьфу!—совѣтно говорить—конфекты.

Игакъ, Викторъ Ильичъ зачастиль на Зябликовскій хуторъ; прежде мы бывали тамъ въ мѣсяцъ разъ, затѣмъ въ недѣлю разъ, въ недѣлю два раза, а потомъ чуть-чуть не каждый день. Скучная история. Мнѣ она до смерти надоѣла. Когда Викторъ Ильичъ женился, и Лидочка, вместо Зябликовскаго хутора, очутилась у насъ въ усадьбѣ, я даже обрадовалась; я даже одобрила Виктора Ильича. Зачѣмъ беспокоить себя и таскаться изъ дома на хуторъ, когда можно устроить такъ, что Лидочка будетъ возлѣ, и, чтобы поговорить съ ней, достаточно сдѣлать два-три шага и перейти, напримѣръ, изъ столовой въ залу или изъ залы на балконъ? Я думала, что пройдетъ недѣля—другая, и все войдетъ въ свою колею.

— А тамъ и Петровъ день скоро!—мечтала я.—Сниметъ Викторъ Ильичъ ружье со стѣны, вычиститъ, осмотритъ его, и мы пойдемъ на охоту...

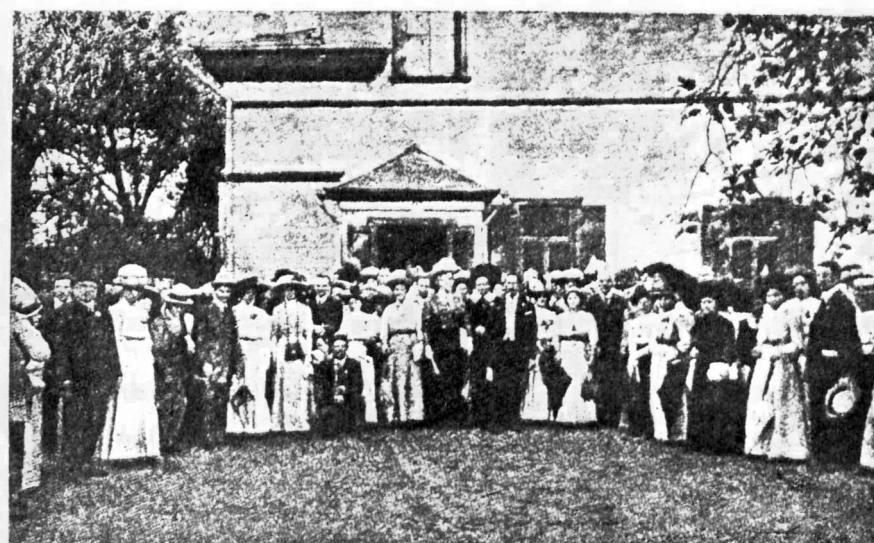
Меня подслушала дрянная „Мими“.

— Никуда вы не пойдете! — сказала она.— Не мечтайте.

— Почему же мы не пойдемъ?

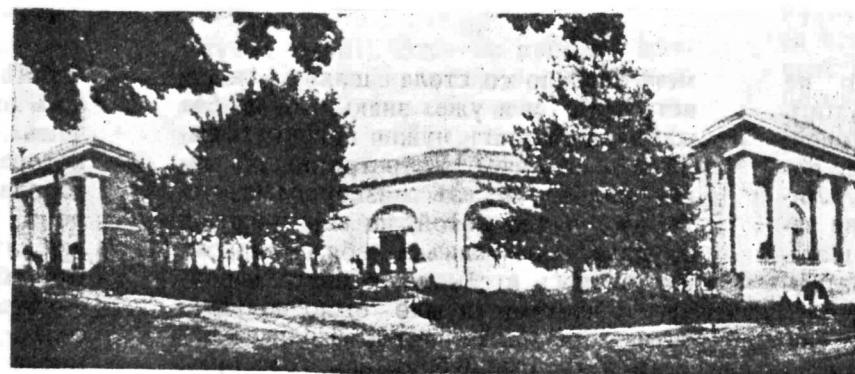
— Потому, что Виктору Ильичу некогда: онъ занятъ тѣмъ, что безпрестанно цѣлуется съ Лидочкой.

— Неужели это важнѣе охоты?

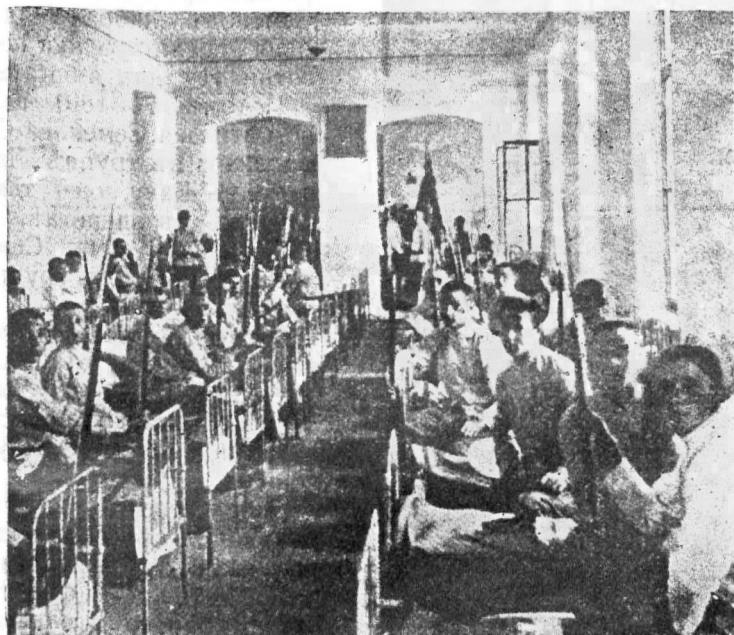
Группа экскурсантовъ-народныхъ англійскихъ учителей и учительницъ

передъ домомъ Л. Н. Толстого въ Хамовникахъ, въ Москве.

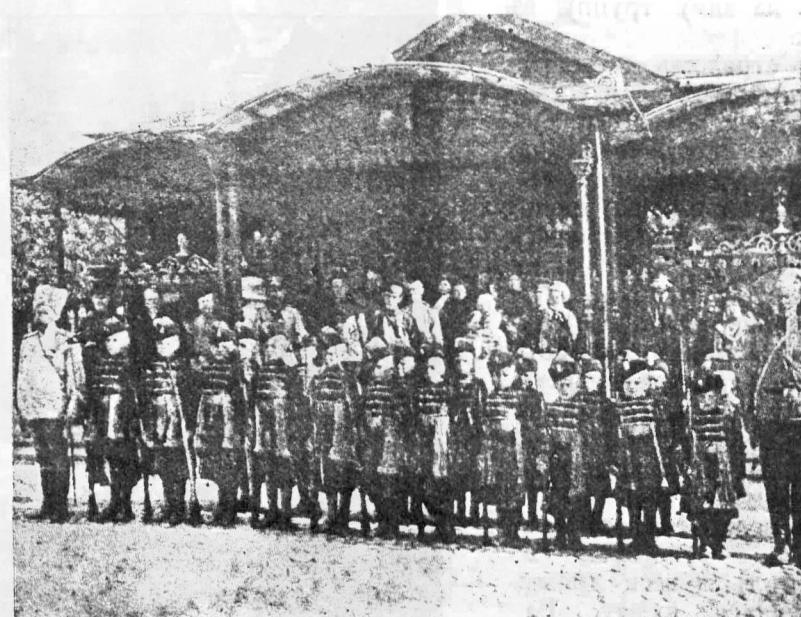

Русский отдѣлъ на Туринской выставкѣ.

КЪ СМОТРУ „ПОТЬШНЫХЪ“.

Харьковские „путьшные“ на отдыхѣ въ пріютѣ принца Ольденбургскаго.

„Путьшные“ пріюта Св. Вѣры въ костюмахъ времень Петра Великаго.

— Конечно.
— Но развѣ этого нельзя отложить?
хотя на одинъ день?

— Нельзя.

— Не можетъ быть!

— Вы напрасно спорите. Что вы понимаете въ любви мужчины и женщины? Въ вопросахъ охоты, которые для меня темны, вы, можетъ быть, очень свѣдущи, но въ любви нашихъ хозяевъ вы понимаете столько же, сколько новорожденный щенокъ. Повѣрьте слову болонки.

Я не стала спорить.

Я повернулась и ушла.

Я надѣялась, что Петровъ день покажетъ „Мими“, кто изъ насъ ошибался.

Но когда пришелъ Петровъ день, этотъ праздникъ охотниковъ, этотъ день такъ неподобнѣй на всѣ предыдущіе, сердце мое сжалось: Викторъ Ильичъ даже не взглянулъ на праздно висѣвшее ружье; Викторъ Ильичъ чаще обычнаго цѣловался съ Лидочкой; наканунѣ онъ поцѣловалъ ее за утреннимъ чаемъ шесть разъ, а въ Петровъ день десять. Дѣло было плохо.

— Чго скажете?—видѣла я вопросъ въ торжествующихъ глазахъ „Мими“.

Но я еще надѣялась.

Мы не пошли на охоту послѣ утренняго чая; пусть такъ; мы могли пойти послѣ завтрака.

За завтракомъ я показывала знаки нетерпѣнія, прыгала на диванъ, надъ которымъ висѣло ружье, бѣгала по комнатѣ съ такимъ видомъ, съ какимъ ишу дичь. Викторъ Ильичъ не обратилъ на меня ни малѣшаго вниманія. Я ждала.

— Ты почитаешь мнѣ?—спросила Лидочка, когда завтракъ подходилъ къ концу.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Викторъ Ильичъ.—Мы куда пойдемъ читать, Лida? Въ бесѣдку?

— Въ бесѣдку.

У меня опустился хвостъ (у людей въ этихъ случаяхъ чаще всего опускаются руки). Но что я могла сдѣлать? Ничего.

Когда раздался въ сосѣднемъ лѣсу

„Путьшный“ рапортуетъ.

первый выстрѣлъ—это охотился по всей вѣроятности, человѣкъ, у которого не было жены—я стремглавъ бросилась въ бесѣдку. Я подумала, что выстрѣлъ напомнилъ Виктору Ильичу о нынѣшнемъ днѣ. Дѣйствительно, такъ и вышло; онъ пересталъ читать, прислушался и сказалъ:

— Эгѣ, да, вѣдь, нынче—начало охоты...

— Не говори мнѣ объ охотѣ!—сморшила, какъ щенокъ, уколовшійся о репейникъ, носикъ Лидочки.—Терпѣть ее не могу.

Я думала, что онъ выбросить ее изъ окна; а онъ перевернуль страницу и началъ читать снова, сказавъ вскользь, небрежно:

— Нѣтъ, что-же, охота—ничего... Когда-то я любилъ охоту.

Только и всего.

Тоже было на другой и на третій день.

По окрестнымъ лѣсамъ и полямъ охотники палили изъ ружей, а мы сидѣли дома и цѣловались.

Тьфу!

Сегодня, сидя за воротами, я увидѣла „Мушку“; за ней шагаль бондарь Архипъ съ ружьемъ за плечами.

— На охоту идемъ, кинула мнѣ головой „Мушка“.—А вы?

Я хотѣла сказать: „мы цѣлуемся“, но слезы брызнули изъ моихъ глазъ, и спазма перехватила мнѣ горло.

— Счастливо оставаться!—вильнула „Мушка“ хвостомъ.

Я отвернулась; бондарь и „Мушка“ исчезли изъ глазъ.

Экъ, жизнь... собачья.

А. Грузинскій.

Воспоминанія Ф. И. Шаляпина о Семеновѣ-Самарскомъ.

Горько заплакаль Ф. И. Шаляпинъ, когда прочелъ телеграмму о кончинѣ извѣстнаго провинціального артиста и антрепренера Семенова Самарскаго, разсказываетъ сотрудникъ „Петербург. Газ.“.

— Семеновъ—мой первый антрепренеръ,—говорилъ Ф. И. Шаляпинъ,—онъ меня отмѣтилъ и благословилъ...

Двадцать одинъ годъ тому назадъ, со мной, тогда еще мальчишкой, горѣ великое стряслось: взялъ я со службы, изъ казенной палаты, дѣло на домъ, бумагу какую то переписывать, да по дорогѣ зазѣвался и потерялъ дѣло...

У начальства разговоръ короткій:

— Вонъ!..

Только я недолго горевалъ. Меня и безъ того на сцену тянуло, а тутъ

какъ разъ въ Казань прѣхалъ великолѣпный Семеновъ-Самарскій, набирать на зиму труппу въ Уфу.

Со страхомъ и почтениемъ смотрѣлъ я всегда на Семенова: видный онъ былъ тогда мужчина, красавецъ, всегда гладко выбритъ, завитъ, напудренъ. Въ поволжскихъ городахъ гремѣло его имя, какъ крупнаго артиста.

Любовь къ театру заставила меня побороть страхъ. Надѣлъ я чистую рубаху, купилъ себѣ за пятиалтынный галстукъ, да и маршъ въ Волжско-камскіе номера.

Провели меня къ „самому“... Чувствую, поблѣднѣлъ я, весь дрожу. Постучался, вхожу... Батюшки, какія страсти!..

Важно развались, сидѣть въ креслѣ великолѣпный Семеновъ-Самарскій, а передъ нимъ дама, расфуфыренная, подмазанная, въ широкомъ платьѣ.

Обомлѣлъ я, не могу слова сказать.

— Чего тебѣ?

— Возьмите въ хоръ...

— А гдѣ раньше служилъ? Репертуаръ у тебя есть?..

Новый типъ желѣзодорожной „дрезины“ съ моторомъ, замѣняющей прежнюю съ утомительнымъ ручнымъ приводомъ.

Меня осѣнило... Взялъ, да и выпалилъ нѣсколько оперъ и оперетокъ, которая случилось видѣть въ театрѣ.

— Принимаю, важно сказалъ „самъ“. Пятнадцать въ мѣсяцъ.

Съ великими надеждами поѣхалъ я въ Уфу. Семеновъ долго не являлся, а когда прїѣхалъ, то привезъ съ собою уйму народа. Широкая это была натура... Со средствами не считался, всѣхъ принималъ, кто по вкусу.

Режиссеръ отдалъ распоряженіе — новичковъ гнать, оставить только самыхъ опытныхъ хористовъ. Однако, мой голосъ понравился, а главное, я умѣлъ читать ноты. Семеновъ меня оставилъ.

За старательность онъ мнѣ накинулъ пятерку, а скоро сталъ выпускать въ роляхъ. Желая отблагодарить меня за ревностную службу, Семеновъ далъ мнѣ бенефисъ въ послѣднее воскресенье на масленой... Первый мой бенефисъ!.. Я пѣлъ Неизвѣстнаго въ

Братья Маннесманъ,

виновники настоящаго франко-германскаго конфликта въ Марокко.

«Безсовѣстныя ванны» въ Пятигорскѣ.

— Сколько разъ я тебѣ говорила, Эльза, что не слѣдуетъ шептаться.—Скажи громко, что тебѣ нужно.

— Эльза (послѣ паузы). Почему это, папа, у этой дамы такой красный носъ.

(„Fleg Bl.“).

„Аскольдовой могилѣ“. Очистилось мнѣ отъ сбора двѣ красненькихъ, да Семеновъ набралъ для меня среди публики полсотни. И сталъ я богатъ...

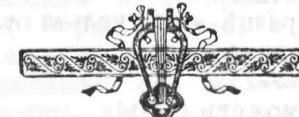
Погомъ въ 1891 году встрѣтилъ я Семенова-Самарскаго въ труппѣ Ласкаля, въ Баку, онъ тамъ служилъ въ опереткѣ.

Обласкалъ меня Семеновъ, устроилъ въ труппу, выдвигалъ.

Въ третій разъ я служилъ съ нимъ въ Тифлисѣ, въ 1892 году, въ оперѣ Ключарева, вмѣстѣ съ Вандерикомъ и Кругловымъ.

Начальство въ посту не разрѣшило русской оперы; мы объявили итальянскую, хотя кромѣ флейтиста ни одного итальянца у насъ не было, Вандерикъ — французъ, а остальные русские.

Хорошій былъ человѣкъ, добрый... Вѣчная ему память!..

— Гдѣ же я могу видѣть директора?
— Тамъ внизу, въ пивной. Впрочемъ вы можете его подождать и здѣсь; онъ сюда часто заходитъ.

(„Fleg Bl.“).

СМѢСЬ.

Викторъ Гюго и нѣмецкіе классики.

Одинъ изъ биографовъ Виктора Гюго разсказываетъ интересную встречу знаменитаго поэта съ Тургеневымъ. Вполнѣ естественно, что бесѣда двухъ литераторныхъ знаменитостей вѣка не выходила изъ круга литературныхъ темъ. «Гений нѣмецкой литературы воплотился въ Гете съ чудесной полнотой выражений, достигъ въ его лицѣ высочайшей своей вершины. Въ «Валленштейна» же Гете взошелъ на такую высоту гениальности, какой никогда больше не удалось ему достичь», — сказалъ Гюго авторитетнымъ тономъ литературного божка. Тургеневъ, конечно, нисколько не претендуетъ на уменіе гениальности Гете, напомнилъ Гюго, что не Гете, а Шиллеръ написалъ «Валленштейна». Но маленькая «правка» Тургенева не смущила Гюго. «Это — сущій пустякъ. Я не читалъ ни Шиллера, ни Гете, но разумѣю истинную сущность ихъ поэзіи лучше людей, изучившихъ ихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ». На это Тургеневъ не нашелся ничего сказать.

